

А. Т. Урушадзе
**ДРУГАЯ КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА:
 КАВКАЗСКИЙ НАМЕСТНИК VS ЦАРСКИЕ МИНИСТРЫ (1844–1853)***

doi: 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-31-39

УДК 94(470)“1844/1853”

ББК 63.3(2)521.2

В конце 1844 г. последовали большие перемены в модели управления южной окраиной империи. Николай I решил назначить на Кавказ наместника с почти не ограниченными полномочиями. Первым кавказским наместником стал граф М. С. Воронцов, сохранивший при этом должность новороссийского генерал-губернатора и наместника Бессарабии. Это стало полной неожиданностью для петербургской бюрократической элиты. М. С. Воронцов, которому в 1844 г. было уже за шестьдесят, согласился на переезд в Тифлис с условием максимальной свободы от министерского контроля. По утвержденным в 1846 г. особым правилам, которые регламентировали отношения между наместником и центральными ведомствами, М. С. Воронцов получил право непосредственного обращения к председателю Кавказского комитета военному министру А. И. Чернышеву и императору Николаю I, обходя мнения министров. Эта административная революция провоцировала постоянные служебно-иерархические столкновения между кавказским наместником и министрами. В статье анализируются условия этого противостояния, механизмы лоббирования интересов и неформальные связи правительственной элиты Российской империи середины XIX в. Противостояние с министрами, вызванное беспрецедентными служебными правами кавказского наместника, в целом, складывалось в пользу М. С. Воронцова. Это объяснялось его знаменитостью, а также неформальной коалицией с военным министром А. И. Чернышевым — председателем Кавказского комитета.

Ключевые слова: *Российская империя, Кавказ, кавказский наместник, М. С. Воронцов*

В черновиках одного из писем первого кавказского наместника М. С. Воронцова привлекает внимание ироничная фраза, касающаяся всемогущей столичной бюрократии: «Предположение заняться в Петербурге преобразованием теперешнего порядка гражданских дел у нас (здесь и далее курсив мой. — А. У.) весьма меня пугает; они сделают ералаш»¹. Эти слова были написаны в Тифлисе — столице Кавказского наместничества.

Кавказская война, традиционно (и вполне обоснованно) понимаемая прежде всего как противостояние Российской империи и горцев, сплотившихся вокруг трех имамов Нагорного Дагестана и Чечни, оставляет в тени некоторые исторические сюжеты, связанные с противоречивым процессом вхождения Кавказа в пространство империи Романовых. Одним из таких сюжетов является история противо-

стояния официальных Тифлиса и Петербурга. Два центра власти столкнулись в борьбе за влияние на Кавказе в середине XIX столетия. Петербург представляли министры, Тифлис — кавказский наместник.

Специальных исследований, посвященных этому историческому сюжету, многотомная историография присоединения южной окраины не имеет. Фрагментарно проблема затрагивалась лишь в нескольких публикациях.²

Рассмотрим обстоятельства и факторы, при которых возникло служебно-иерархическое противостояние Петербурга и Тифлиса, и определим стратегии сторон в «боях», а также формальные и неформальные механизмы лоббирования административных интересов в годы наместничества на Кавказе М. С. Воронцова (1844/45–1854).

Создание Кавказского наместничества стало неожиданностью для российской высшей бюрократии. В «Обзоре мер, принятых и предположенных для устройства Закавказского

¹ Архив князя Воронцова. М., 1892. Кн. 38. С. 410.

Урушадзе Амиран Тариелович — к.и.н., н.с., Южный научный центр РАН; доцент, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)
 E-mail: aturushadze@sfned.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» (рук. А. Т. Урушадзе)

² См.: Rhineland A. The Creation of The Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59, № 1. P. 15–40; Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2010. С. 252–290; Волхонский М. А. Упразднение наместничества на Кавказе в 1881–1882 гг. // Российская история. 2018. № 3. С. 171–189.

края», составленном в начале 1840-х гг., почти ничто не свидетельствует о намерении предоставить кавказской администрации исключительные полномочия. Напротив, помыслы правительства, а иногда и местного начальства были направлены на поиск путей унификации региональных административных практик с общероссийскими реалиями.

Главноуправляющий в Грузии, командующий Отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевич (1827–1831), а также сенаторы П. И. Кутайсов и Е. И. Мечников, проводившие ревизию Закавказья в 1829–1831 гг., предлагали ввести на Кавказе российское губернское управление «с некоторыми изменениями».³ В 1831–1832 гг. этот план преобразований рассматривался в Государственном совете и был близок к утверждению, но тогда против введения на Кавказе ординарного губернского управления решительно выступил новый глава кавказской администрации Г. В. Розен (1831–1837).

Следующей попыткой административного слияния Кавказа с «внутренней» империей стала реформа сенатора П. В. Гана. Она являлась дальнейшим развитием программы Паскевича–Мечникова–Кутайсова, но отличалась большей прямолинейностью.⁴ Тревожные отзывы о работе П. В. Гана на Кавказе направлялись местным жандармским управлением в столицу еще в 1837 г. (за три года до введения в действие гановской реформы).⁵ В итоге реформа полностью провалилась.⁶

В январе 1842 г. на Кавказ снова отправилась ревизия, которую на этот раз возглавлял статс-секретарь М. П. Позен. Показательно, что он был уверен в успешности реформы П. В. Гана. Вскоре после прибытия в Тифлис М. П. Позен расстался со своими благодушными представлениями. Его рапорт полностью развеял иллюзии успешности реформы в глазах императора Николая I, хотя сам ревизор пытался защитить преобразователя, заблуждения которого еще недавно разделял сам.⁷

Работа по поиску оптимальной траектории интеграции Кавказа в административное пространство империи продолжилась в Комитете по делам Закавказского края и во Временном VI отделении Собственной е. и. в. канцелярии, учрежденных одним императорским указом

от 30 августа 1842 г.⁸ Первый поручался военному министру А. И. Чернышеву, а второе — статс-секретарю М. П. Позену.

Под впечатлением от крушения реформы П. В. Гана у Николая I начал формироваться собственный оригинальный взгляд на перспективы моделирования кавказской администрации. Временному отделению канцелярии было поручено заняться составлением подробного «Наказа Главному управлению Закавказским краем»,⁹ который был утвержден в ноябре 1842 г. Власть главноуправляющего значительно усиливалась.¹⁰ В этих инициативах императора заметен дрейф от идеи скорейшей унификации управления краем к намерению предоставить кавказскому начальству невиданную административную автономию.

Новая управленческая концепция значительно повышала роль первого лица коронной администрации в регионе. Недостаточно активные и не имевшие большого государственного опыта главноуправляющие Е. А. Головин (1837–1842) и А. И. Нейгардт (1842–1844) один за другим были отправлены в отставку, а поиск подходящей фигуры продолжился. По сведениям М. А. Корфа, на Кавказ должен был отправиться генерал Д. А. Герштенцвейг,¹¹ имевший прекрасное образование, а также положительный административный опыт управления новороссийскими военными поселениями. Но тот отказался, и Николай I предложил Тифлис новороссийскому генерал-губернатору и наместнику Бессарабии графу М. С. Воронцову.

В письме к М. С. Воронцову император очертил беспрецедентные полномочия, предлагаемые с новым назначением: «...выбор мой пал на вас в том убеждении, что вы как главнокомандующий войск на Кавказе и наместник мой в сих областях, с неограниченным полномочием, проникнутые важностью поручения и моего к вам доверия, не откажетесь исполнить мое ожидание».¹² Таким образом для М. С. Воронцова учреждалась новая должность — кавказский наместник. Николай I прекрасно понимал, что сановник в возрасте (М. С. Воронцову шел 63-й год), «обладавший морально и материально всем, что только может льстить человеческому тщеславию и самолюбию»,¹³ мог

³ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 22.

⁴ См.: Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. С. 72.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1156. Л. 9.

⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 32.

⁷ См.: Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 337, 338.

⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. (ПСЗРИ-2). Т. 17, отд. ние 1: 1842. СПб., 1843. С. 891, 892.

⁹ Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб., 1842.

¹⁰ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 42.

¹¹ См.: Корф М. А. Указ. соч. С. 342.

¹² Архив князя Воронцова. М., 1895. Кн. 40. С. 499, 500.

¹³ Корф М. А. Указ. соч. С. 343.

принять новое назначение лишь на эксклюзивных условиях. «Неограниченное полномочие» было главной «приманкой», стимулировавшей его согласие.

М. С. Воронцов был человеком знаменитым, т. е. он был известен множеству людей, которые не имели никаких непосредственных связей с ним и даже объективных причин интересоваться его личностью.¹⁴ Он был известен как победитель Наполеона в битве при Краоне, как офицер, расплатившийся с французскими бакалейщиками за кутежные долги своих подчиненных, как один из самых богатых людей своего времени и, наконец, как муж красавицы, ставшей объектом пылкого внимания А. С. Пушкина. Он являлся одним из немногих вельмож, о которых сочинялись не только ироничные эпиграммы, но и хвалебные песни.¹⁵ Как только в Одессе стало известно о новом назначении М. С. Воронцова, к нему хлынули просители о месте рядом с ним. Еще более восторженный прием ожидал его в Петербурге. Собственная знаменитость стала для М. С. Воронцова важным ресурсом в борьбе за служебно-иерархическое первенство.

Приглашение знаменитого новороссийского генерал-губернатора на должность кавказского наместника было полной неожиданностью для столичной высшей бюрократии, особенно для М. П. Позена, уже успевшего почувствовать себя главным экспертом по вопросам управления южной окраиной. Ему было поручено разработать проект высочайшего рескрипта о назначении М. С. Воронцова — первого документа, в котором должностные права и привилегии кавказского наместника получали официальный статус.

20 января 1845 г. М. П. Позен отправил проект царского рескрипта находившемуся в столице наместнику. Судя по письму статс-секретаря, документ уже содержал исправления, внесенные М. С. Воронцовым и А. И. Чернышевым ранее.¹⁶ 23 января наместник вернул проект рескрипта статс-секретарю, сообщив в сопроводительном письме, что документ «совершенно согласен с тем, что было положено между нами и князем Александром Ивановичем (Чернышевым. — А. У.)».¹⁷ Однако М. С. Воронцов составил отдельный спи-

сок замечаний к проекту рескрипта, который М. П. Позену доставил секретарь наместника М. П. Щербинин. Ключевое изменение сводилось к тому, что М. С. Воронцов закреплял за собой право на разрешение всех дел, входящих в компетенцию министров по соответствующим ведомствам, а решения по делам, превышающим министерский уровень, отправлять на утверждение непосредственно императору.¹⁸ Совершенно не ожидавший такого поворота М. П. Позен неосторожно заметил секретарю Воронцова, что его начальник в этом случае получит власть, подобную царской.¹⁹ М. П. Щербинин поспешил доложить М. С. Воронцову об отзыве статс-секретаря. Наместник немедленно поставил в известность императора и заручился поддержкой военного министра и председателя Закавказского комитета А. И. Чернышева. Уже на следующий день М. П. Позена вызвали для объяснения в дом М. С. Воронцова. Последовавший разговор между наместником, военным министром, статс-секретарем и М. П. Щербининым, вызванным для подтверждения слов М. П. Позена о желании М. С. Воронцова узурпировать царскую власть, привел к отставке главы Временного VI отделения императорской канцелярии.²⁰ Необходимо отметить, что покровитель М. П. Позена военный министр А. И. Чернышев не попытался защитить статс-секретаря, а, напротив, стал на сторону М. С. Воронцова. С этого эпизода началась история служебной коалиции кавказского наместника и военного министра, которая оставалась в силе вплоть до отставки А. И. Чернышева в 1852 г. Э. Райнеландер справедливо отметил множественные параллели в карьерах А. И. Чернышева и М. С. Воронцова: они были приблизительно одного возраста, оба выдвинулись в период Наполеоновских войн, имели опыт административного управления на окраинах империи и, наконец, оба достигли большого политического влияния в государстве Романовых.²¹

Проект высочайшего рескрипта рассматривался на заседании Комитета по делам Закавказского края 27 января 1845 г. Заседание проходило в доме А. И. Чернышева, который

¹⁴ См.: Лилти А. Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб., 2018. С. 12.

¹⁵ См.: Песнь кавказских воинов. Тифлис, 1848. С. 5; Удовик В. Воронцов. М., 2004. С. 291.

¹⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 53.

¹⁷ Там же. Л. 54.

¹⁸ См.: Корф М. А. Указ. соч. С. 345; РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 50.

¹⁹ См.: Щербинин М. П. Воспоминания Михаила Павловича Щербинина. М., 1876. С. 19.

²⁰ См.: Корф М. А. Указ. соч. С. 345, 346; Щербинин М. П. Указ. соч. С. 20.

²¹ См.: Rhineland A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. London; Buffalo, 1990. P. 144.

председательствовал на этом собрании. Комитет в составе министра финансов Ф. П. Вронченко, министра государственных имуществ П. Д. Киселева, министра внутренних дел Л. А. Перовского и министра юстиции В. Н. Панина «принял высочайшую волю к надлежащему исполнению».²² 30 января 1845 г. высочайший рескрипт был подписан Николаем I. М. С. Воронцов стал почти самовластным правителем огромной области — Большого Юга Российской империи, простиравшегося от Дуная до Аракса.

По отзывам современников, М. С. Воронцов с большой ревностью относился к своим служебным правам. Отметив светский демократизм наместника, М. А. Корф подчеркнул такую особенность его личности: «...тот же Воронцов, когда дело шло о его правах, о его власти, о чем-нибудь для него существенном, становился в высшей степени щекотлив и заносчив, так что поступки его доходили до дерзости, даже до забвения обыкновенных условий учтивости».²³

В ходе обсуждения принципов взаимодействия кавказского наместника с министрами, которое заняло весь 1845 г., характер М. С. Воронцова, его жесткость и бескомпромиссность в отстаивании административных полномочий проявились во всей силе. «Не находя нужным исчислять здесь все те предметы, по которым должно быть устранено влияние министров на дела здешнего края, можно назвать некоторые из них... конфискационные дела по таможенной части не должны быть представляемы, как теперь делается, в Департамент внешней торговли, а могут быть разрешаемы наместником. Губернские прокуроры не должны также представлять министру юстиции, как теперь делают, протесты свои на решения судебных мест. Протесты эти рассматриваются в Закавказском совете, и наместник утверждает или не утверждает оные, следовательно, переписка с министром юстиции совершенно излишня», — в таком категоричном тоне М. С. Воронцов писал А. И. Чернышеву.²⁴ В том же письме наместник приводил причины, которые вынуждали его требовать свободы от министерской опеки: «...меня руководствует не желание менее безотчетного управления, но благо высочайше вверенного мне края и уверенность, что от соединения здесь на месте всех отраслей

управления и немедленного разрешения предметов, о которых нельзя иметь много понятия за несколько тысяч верст, много значит скорое и правильное течение дел, доставление всякому по возможности немедленного удовлетворения и, наконец, управление, сообразное с благодетельными видами нашего августейшего монарха».²⁵

В обсуждении схемы отношений наместника с министрами принимали участие три человека — Николай I, А. И. Чернышев и М. С. Воронцов. В центре их внимания было всего три вопроса. Во-первых, к кому следовало обращаться кавказскому наместнику по вопросам, которые превышали его власть? Во-вторых, в чем именно должно состоять влияние министров на дела в пределах территории Кавказского наместничества? В-третьих, могут ли министры требовать от подчиненных им ведомств, расположенных на Кавказе, отчетной и справочной документации?

М. С. Воронцов желал обращаться непосредственно к председателю Кавказского комитета, считал, что влияние министров на дела региона полностью прекращается и что столичная бюрократия более не имела права требовать от кавказских административных институтов каких-либо справочных материалов (исключение допускалось наместником только для министра финансов).

В свою очередь, А. И. Чернышев почти во всем поддержал предложения наместника, оставив на личное усмотрение императора вопрос об обращении М. С. Воронцова непосредственно к нему, Чернышеву, как к председателю Кавказского комитета, и выступил за сохранение практики направления прокурорских протестов министру юстиции, которую охарактеризовал как необходимую «в общем порядке устройства судебной части».²⁶

6 января 1846 г. «Правила об отношениях Кавказского наместника»²⁷ были утверждены императором. М. С. Воронцову подчинялись все места и лица, «находящиеся в Закавказском крае и Кавказской области». Единственное исключение было допущено в отношении VI округа корпуса жандармов, который остался в подчинении у своего шефа А. Ф. Орлова.²⁸ По особо важным делам наместник делал

²² Там же. Л. 195.

²³ Там же. Л. 118.

²⁷ Правила об отношениях Кавказского наместника. СПб., 1846.

²⁸ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 126.

²² РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 66.

²³ Корф М. А. Указ. соч. С. 344.

²⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 671а. Л. 92–93.

представления непосредственно императору, а по другим вопросам управления, превышающим его полномочия, он обращался к председателю Кавказского комитета. Влияние министров в регионе не сокращалось, а скорее прекращалось. Согласно «Правилам», «распоряжения министров и главноуправляющих, как частные, так и циркулярные, он (кавказский наместник. — А. У.) приводит в исполнение в таком только случае, если не встретит каких-либо к этому затруднений».²⁹ Связь ведомственных учреждений на Кавказе со столичными министерствами ограничивалась исключительно доставкой срочных ведомостей и отчетов. И даже губернские прокуроры, по новым «Правилам», направляли свои протесты не министру юстиции, а наместнику.

Таким образом, все обсуждаемые вопросы взаимодействия наместника и министров были решены в пользу М. С. Воронцова. Однако министры не спешили безоговорочно принимать новый порядок.

Одним из наиболее влиятельных ведомств в николаевскую эпоху являлось Министерство финансов. Его глава Ф. П. Вронченко разослал «Правила об отношениях Кавказского наместника» в департаменты своего министерства для сведения и отзыва. Некоторые из департаментских ответов представляли содержательную бюрократическую критику утвержденной императором новаторской управленческой системы.

Департамент разных податей и сборов сообщал в канцелярию министра финансов о том, что «означенные правила, подчиняя все действия без изъятия всех мест и лиц, находящихся в Закавказском крае и Кавказской области, непосредственно кавказскому наместнику, без всякого влияния и участия главного начальства того ведомства, к которому те места и лица по общей связи дел мест того края с местами прочих губерний империи принадлежат, едва ли не возродят значительных затруднений в самом производстве дел и медленности в течении оных».³⁰ В качестве примеров указывались случаи, когда дело касалось не только учреждений Кавказского наместничества, в частности Кавказской казенной палаты, но одновременно и казенной палаты другой губернии. Это могли быть дела о переходе лиц податных состояний, о переселении крестьян,

о переводах податных платежей. В таких случаях требовались общие распоряжения, иначе «дело не будет иметь единства и остановится». Тот же департамент фактически угрожал Кавказской области, подчиненной наместнику, винным эмбарго. Чиновники финансового ведомства указывали на то, что в области нет ни одного винокурного завода и она снабжается вином из великороссийских губерний. Потребность области в вине определялась местным начальством в кооперации с откупщиками, которые и выбирали вино для поставки. Но определение предприятий, заготавливавших вино для Кавказской области, зависело от Министерства финансов, «ибо ему только может быть известна выгода и возможность заготовления вина на тех или других заводах».³¹ Чиновники предлагали следующий нехитрый порядок: заготовка вина для Кавказской области производится по распоряжению министра финансов на основе ведомости кавказского наместника о винных потребностях региона. Этот, на первый взгляд, пустяк оборачивался значительным отступлением от принципов административной автономии наместника, которые отстаивал М. С. Воронцов. Кроме того, Департамент государственного казначейства беспокоился о своевременной доставке отчетности по Закавказскому краю и Кавказской области,³² а Департамент горных и соляных дел — о контроле над деятельностью Тифлисской окружной пробирной палатки.³³

Ф. П. Вронченко в марте 1846 г. обратился в Кавказский комитет с запросом о путях устранения многочисленных бюрократических сбоев, возникших с введением в силу «Правил об отношениях Кавказского наместника». Последовавшее обсуждение привело к утверждению Николаем I 27 декабря 1846 г. «Правил об отчетности в суммах по Закавказскому краю и Кавказской области» и «Правил о снабжении питейных сборов Кавказской области вином». Уже первый параграф «Правил об отчетности» оставлял ревизию «всякого рода счетов и отчетов» по Закавказскому краю и Кавказской области на прежнем основании, т. е. в ведении Министерства финансов. Еще большим отступлением от «Правил об отношениях Кавказского наместника» стал пятый параграф «отчетных правил», который содержал следующее положение: «Если в департаментах при

²⁹ Правила об отношениях Кавказского наместника. С. 9.

³⁰ РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 323. Л. 62.

³¹ Там же. Л. 64.

³² Там же. Л. 76.

³³ Там же. Л. 70.

составлении смет и ревизии счетов и отчетов по Закавказскому краю и Кавказской области встретится надобность в каких-либо справках, сведениях и объяснениях, то, для выиграния времени, предоставляется департаментам, в виде изъятия и единственно только по делам, относящимся до смет и ревизии, требовать сведения прямо от правительственных мест и лиц Закавказского края и Кавказской области...»³⁴

«Правила для снабжения питейных сборов Кавказской области вином» также предусматривали возможность прямого обращения министра финансов к Кавказской казенной палате с уведомлением наместника только постфактум.³⁵

Таким образом, Министерство финансов смогло сохранить возможность прямого контроля над учреждениями своего ведомства, расположенными на Кавказе. Ф. П. Вронченко показал успешный способ ограничения всевластия наместника через внесение дела на рассмотрение Кавказского комитета. Именно этот институт стал полем служебно-иерархической битвы между наместником и министрами.

Кавказский комитет был образован в феврале 1845 г. вместо Комитета по делам Закавказского края и упраздненного Временного VI отделения императорской канцелярии.³⁶ Обновленное учреждение должно было выполнять функции особенного высшего правительства для Кавказа и одновременно выступать связующим элементом между тремя центрами власти — императором, наместником и министрами.³⁷ В состав Комитета входили главы основных министерств: военный министр А. И. Чернышев, министр финансов Ф. П. Вронченко, министр внутренних дел Л. А. Перовский, министр юстиции В. Н. Панин, министр государственных имуществ П. Д. Киселев. В заседаниях принимал участие наследник престола цесаревич Александр Николаевич, шеф жандармов А. Ф. Орлов, председатель Департамента законов Государственного совета Д. Н. Блудов, а также управляющий делами Комитета статский советник В. П. Бутков. В таком составе Комитет проработал вплоть до 1852 г.³⁸

Для министров заседания в Кавказском комитете, как и в других подобных профильных учреждениях, становились дополнительной нагрузкой. Заседания Комитета назначались на те же дни, в которые были запланированы заседания Комитета министров. О психологическом состоянии и рабочем настрое министров, переходивших из одного комитета в другой, дают представление дневниковые записи министра внутренних дел П. А. Валуева (1861–1868): «2 марта. Комитет министров. Потом комитет Кавказский... 9 марта. Утром Комитет министров. Потом Кавказский. От Польского я уехал... 23 марта. Утром Комитет министров. Потом Кавказский, от которого я уехал».³⁹

В условиях напряженной бюрократической работы министры часто не успевали подробно ознакомиться с вопросами, выносимыми на обсуждение Кавказского комитета, тем более договориться о коалиционных действиях. Определяющее значение в работе Кавказского комитета приобрел управляющий его делами В. П. Бутков. Он первым получал запросы наместника (чаще всего через чиновников его канцелярии), мнения министров, руководил перепиской председателя комитета А. И. Чернышева с министрами и наместником, а также самостоятельно запрашивал мнения глав министерских департаментов. На практике именно В. П. Бутков представлял письменные мнения министров и главноуправляющих на заседаниях Комитета и вносил их в журналы заседаний. От должностных симпатий и раторности управляющего делами зависел исход многих спорных вопросов управления южной имперской окраиной.

По любопытной иронии, В. П. Бутков долгие годы проработал под непосредственным началом М. П. Позена, сначала трудясь над составлением свода военных постановлений, а затем и в Комитете по делам Закавказского края. В 1830-е гг., когда талантливый чиновник В. П. Бутков быстро продвигался по карьерной лестнице, М. П. Позен не забывал лично поздравлять его с получением каждого следующего чина.⁴⁰ Но, несмотря на интригу М. С. Воронцова, которая привела к отставке М. П. Позена, В. П. Бутков стал надежным помощником кавказского наместника. Это объясняется тем, что управляющий делами Кавказского комитета был креатурой А. И. Чернышева и действовал

³⁴ Там же. Л. 224.

³⁵ Там же. Л. 225.

³⁶ ПСЗРИ-2. Т. 20, ч. I. СПб., 1846. С. 168.

³⁷ См.: Лисицына Г. Г. Кавказский комитет — высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845–1882) // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 154.

³⁸ См.: Лисицына Г. Г. Кавказский комитет // Клио. 1997. № 2. С. 140.

³⁹ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2: 1865–1876 гг. С. 25, 26, 29.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 1. Л. 38.

в фарватере служебных маневров военного министра.

Управляющий делами Кавказского комитета находился в самой тесной деловой связи с канцелярией кавказского наместника. Переписка В. П. Буткова с главой воронцовской канцелярии С. В. Сафоновым насчитывает 900 листов за период с 3 августа 1845 г. по 7 марта 1852 г.⁴¹

Начальника канцелярии наместника, в первую очередь, волновал вопрос об отношениях с министрами. Из писем С. В. Сафонова видно настойчивое желание М. С. Воронцова рассматривать все дела, предусматривавшие издание новых законов, на заседаниях Кавказского комитета.⁴² 3 января 1846 г. В. П. Бутков сообщил С. В. Сафонову об утверждении «Правил об отношениях Кавказского наместника» и просил его «быть к нам (Кавказскому комитету. — А. У.) снисходительными и милостивыми, и главное — не взыскательными. Если будут какие-либо недоразумения, то лучше их прекратить лично нашею перепискою, чем вводить наших добрых начальников (военного министра и кавказского наместника. — А. У.) в какие-либо объяснения. С своей стороны позвольте мне просить Ваше превосходительство все поручения Ваши здесь возлагать на меня одного. Исполнять их будет для меня самым приятным долгом и первою обязанностью».⁴³

Будучи опытным чиновником, В. П. Бутков прекрасно понимал, что исполнить все пожелания ревностно-властолюбивого наместника ему не удастся, а потому пытался обезопасить себя от воронцовского недовольства, уже стоившего карьеры его бывшему начальнику М. П. Позену.

С самим кавказским наместником В. П. Бутков состоял не в столь интенсивной переписке, тематика которой ограничивалась ходатайствами М. С. Воронцова о содействии в бытовом устройстве, о награждении и денежных выплатах различным лицам — от членов грузинского царского дома до рядовых чиновников. Тон писем наместника не оставлял управляющему делами Кавказского комитета выхода: «Зная всегдашнюю готовность Вашего превосходительства к исполнению моих просьб и ходатайств, я не сомневаюсь, что вы и в этом случае не откажете мне в благосклонном содействии

своим в доставлении этому прекрасному чиновнику испрашиваемой мною награды».⁴⁴

Среди министров последовательными критиками планов и проектов наместника выступали министр финансов Ф. П. Вронченко и министр народного просвещения С. С. Уваров. Первому, благодаря въедливости чиновников министерских департаментов, удалось уже в 1846 г. серьезно поколебать всевластие наместника и оставить за собой право прямого обращения к кавказским финансовым институтам. В 1846 г. он смог сначала замедлить ход рассмотрения проекта о свободной торговле на Кавказе, а затем и совсем его остановить. Единственным, чего в этой связи добился М. С. Воронцов, стало утверждение (15 декабря 1846 г.) нового тарифа для Кавказа, который уменьшил пошлины с некоторых ввозимых в регион товаров. Но сам наместник остался недоволен этой половинчатой мерой и признавал ее неудачной.⁴⁵

Действия С. С. Уварова были не столь победоносны, как атаки министра финансов. Приоритетным направлением преобразований М. С. Воронцова стала реорганизация школьного дела на Кавказе и продвижение культуртрегерских инициатив. Это неизбежно привело к нескольким столкновениям с авторитетным министром просвещения. Выделим два таких противостояния, случившихся в 1848–1849 гг.

Поводом для первого столкновения стало обсуждение в Кавказском комитете проекта «Положения о воспитании кавказских и закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи», подготовленного чиновником администрации наместника В. Н. Семеновым, занявшим в 1849 г. место попечителя Кавказского учебного округа. 29 января 1849 г. С. С. Уваров представил в Кавказский комитет свой отзыв о проекте с серьезными замечаниями. Министр просвещения выступил против формирования запасного капитала для нужд нововведения, отвергнул полезность командировок выпускников за границу, раскритиковал намерение освободить кавказских воспитанников от изучения русского языка в университетах, отрицал полезность создания общих классов для изучения кавказских языков.⁴⁶ Замечания С. С. Уварова, некоторые из которых подозрительно

⁴¹ Там же. Д. 10.

⁴² Там же. Л. 2–4.

⁴³ Там же. Л. 40.

⁴⁴ Там же. Д. 12. Л. 6.

⁴⁵ См.: Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 862.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 17. Л. 40–47.

напоминали замечания других министров, были приняты во внимание и учтены в итоговом тексте положения.⁴⁷

Спустя полгода в Кавказский комитет поступило обращение М. С. Воронцова на издание в Тифлисе литературной газеты «Арагат» на армянском языке. В. П. Бутков отправил дело на отзыв С. С. Уварову. Ответ министра просвещения от 18 июля 1849 г. был написан в резком тоне: «...издатель, хотя и испрашивает позволения на литературную газету, однако предполагает помещать в ней и политические статьи... согласно Высочайшему повелению от 7-го февраля 1832 г. воспрещено позволять какие-либо новые повременные издания без особого Высочайшего разрешения, и при испрашивании такого разрешения повелено представлять Е. И. В. подробное изложение предметов, долженствующих входить в состав предполагаемого издания, и обстоятельные сведения об издателе». Далее С. С. Уваров указывал на необходимость разрешать подобные дела в Комитете министров и напоминал о том, что «Главному управлению цензуры неоднократно уже поставлено на вид Е. И. В., высочайшая воля не умножать числа существующих периодических изданий».⁴⁸ Однако решительный настрой С. С. Уварова не впечатлил членов Кавказского комитета, принявших следующее решение: «Комитет, усматривая из доставленных наместником кавказским сведений, что политические статьи в газете «Арагат» будут перепечатываемы из газет, издаваемых в России, и что прочие статьи оной газеты будут состоять из местных сведений и известий о торговле, не встречает препятствий к изда-

нию оной».⁴⁹ Возможно, единодушие членов Комитета было вызвано присутствием на заседании кавказского наместника.

М. С. Воронцов рассматривал свою службу на Кавказе не как повышение, а, скорее, как услугу, которую он оказывал Николаю I. Он всегда оставался самого высокого мнения о своих действиях, отстаивая верность принятых решений даже перед неоспоримыми фактами их провала. Предложения министров априори вызвали его отторжение. «...Все делать разом невозможно, и ежели хотят, чтобы я еще по возможности на несколько времени здесь остался, то не надобно меня принуждать делать то, что я считаю ненужным...»⁵⁰ — писал М. С. Воронцов начальнику своей канцелярии 12 мая 1848 г.

Противостояние с министрами, вызванное беспрецедентными служебными правами кавказского наместника, в целом, складывалось в пользу М. С. Воронцова. Перевес сил в пользу Тифлиса объяснялся знаменитостью наместника, а также неформальной коалицией с военным министром, председателем Кавказского комитета А. И. Чернышевым. Последнее предопределило направление канцелярско-бюрократического усердия В. П. Буткова, превратившего Кавказский комитет в столичное посольство наместника.

Преемники М. С. Воронцова продолжили борьбу за административную автономию, которая в наместничества Н. Н. Муравьева (1854–1856), А. И. Барятинского (1856–1862), великого князя Михаила Николаевича (1862–1881) приобрела новые формы и содержание. Комплексный анализ этого противостояния является актуальной научной проблемой.

Amiran T. Urushadze

Candidate of Historical Sciences, Southern Scientific Center of the RAS; Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)

E-mail: aturushadze@sfedu.ru

THE OTHER CAUCASIAN WAR: CAUCASIAN VICEROY VS THE TSAR'S MINISTERS (1844–1853)

At the end of 1844 great changes in the management model of the southern outskirts of the Empire took place. Nicholas I decided to appoint a Caucasian Viceroy with almost unlimited powers. The first Caucasian Viceroy was count M. S. Vorontsov, who at the same time held the office of Novorossiysk Governor-General and Viceroy of Bessarabia. The idea of establishing the Caucasian vicegerency belonged to the Emperor himself. This was a complete surprise for the St. Petersburg bureaucratic elite. M. S. Vorontsov, who in 1844 was already over sixty, agreed to move to Tiflis on condition of maximum freedom from ministerial control. According to the special rules approved

⁴⁷ См.: ПСЗРИ-2. Т. 24. Отд-ние 1: 1849. СПб., 1850. С. 313–323.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 266. Л. 3.

⁴⁹ Там же. Л. 4.

⁵⁰ Архив князя Воронцова. Кн. 38. С. 412.

in 1846, which regulated the relations between the Governor and the Central departments, M. S. Vorontsov received the right of direct appeal to the Chairman of the Caucasian Committee, the Minister of war, A. I. Chernyshev and the Emperor, bypassing the opinions of Ministers. This administrative revolution brought about permanent tensions between the Caucasian Viceroy and the ministers. The article analyzes conditions of this confrontation, mechanisms of lobbying and informal relations of ruling elite of the mid-19th century Russian Empire. The confrontation with the ministers, caused by the unprecedented service rights of the Caucasian Viceroy, was generally in favor of M. S. Vorontsov. This was explained by his celebrity, as well as the informal coalition with A. I. Chernyshev, the Minister of War and the Chairman of the Caucasus Committee.

Keywords: *Russian Empire, Caucasus, Caucasian Viceroy, M. S. Vorontsov*

REFERENCES

- Lilti A. *Publichnyye figury: Izobreteniyе znamenitosti (1750–1850)* [Public Figures. The Invention of Celebrity (1750–1850)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2018, 496 p. (in Russ.).
- Lisitsyna G. G. [The Caucasian Committee]. *Klio* [Clio], 1997, no. 2, pp. 136–150. (in Russ.).
- Lisitsyna G. G. [The Caucasian Committee — the highest state institution for governing the Caucasus (1845–1882)]. *Rossiya i Kavkaz — skvoz' dva stoletiya. Istoricheskiye chteniya* [Russia and the Caucasus — through two centuries. Historical readings]. Saint Petersburg: Zhurnal “Zvezda” Publ., 2001, pp. 154–168. (in Russ.).
- Remnev A. V. *Samoderzhavnoye pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Autocratic government: Committee of Ministers in the system of top management of the Russian Empire (second half of the 19th — beginning of the 20th century)]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2010, 511 p. (in Russ.).
- Rhineland A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. London; Buffalo: McGills University Press, 1990, 540 p. (in English).
- Rhineland A. The Creation of The Caucasian Vicegerency. *The Slavonic and East European Review*, 1981, vol. 59, no. 1, pp. 15–40. (in English).
- Udovik V. *Vorontsov* [Vorontsov]. Moscow: “Molodaya gvardiya” Publ., 2004, 413 p. (in Russ.).
- Volkhonsky M. A. [Abolition of the governorship in the Caucasus in 1881–1882]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2018, no. 3, pp. 171–189. DOI: 10.7868/So869568718030147 (in Russ.).